

Катарина Коложвари

ПОЛОТНО

6+

Катарина Коложвари Полотно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63509177

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник стихов Катарины Коложвари отражает поэтическое творчество автора и включает тексты стихов и песен, написанных в период с 1975 до 2020 гг, и создает широкое полотно впечатлений и событий, затронувших писателя.

Содержание

Обращение к читателю	6
Полотно	8
О том как ковчег уплыл, а мы все остались	9
Из цикла Вавилонская башня	11
Молитва строителей	11
Монолог архитектора	13
Начало	15
Рожденные в Ленинграде	18
Я говорю о том...	20
24 мая	22
На Письма римскому другу И.Бродского	23
Приговор	25
Новогодняя распродажа 6 декабря 2011	26
Сретенье	27
Цикл Страстная Седмица	28
Вход Господень в Иерусалим	28
Великий Понедельник. Притча о Смоковнице.	29
Великий Вторник. Притча о женихе	30
полунощном.	
Великая Среда. Сосуд с миром	31
Чистый Четверг. Тайная вечеря	32
Страстная Пятница. Молитва в	33
Гефсиманском саду	

Высота	35
Великая Суббота. Сошествие во ад	36
Воскресение. Воистину!	37
Катулл. Из неопубликованного	38
Последняя молитва Франсуа Вийона	40
Из писем Чаадаева	42
Декабристы	43
Цикл песен Шахматы	47
Табия	48
Баллада о проходной пешке	51
По диагонали	53
Короли	56
Эндшпиль	58
Песенка	62
Из цикла Подстрочник.	64
Твои глаза	65
Моя эпитафия	67
Цитата из Овидия	69
Март	70
Птичка	71
Задачи	73
Ботаники	76
Поле боя.	78
Транстремер	79
Бог сна, Гипнос...	81
*** (Нет места в твоих планах...)	82

Песня о дороге	83
Белые крылья	85
Страничка из биографии Гайдна	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Катарина Коложвари

Полотно

Обращение к читателю

С радостью и с благодарностью приветствую каждого читателя, который придет на страницы этого сборника, на встречу с моим поэтическим «багажом». Некоторым стихам здесь больше 40 лет, некоторым около 30, а некоторые совсем юные, рожденные в минувшем году. Мне дороги они все, и может быть в силу особой привязанности к ним и желания представить их публике достойно, я так долго снаряжала их для публикации. Но все эти годы они были со мной, радовали поклонников моего творчества, досаждали случайным слушателям и редакторам, волновали и поддерживали близких людей.

Я слышу здесь хор голосов, это герои прошлого и настоящего, это образы мирных обывателей и мятежных путников... Одно время я хотела разделить этот сборник на 5 частей, по пяти классическим голосам, которые выделяются в музыке. Надеюсь, они не потеряются, и каждый найдет своего слушателя...

Песен я написала гораздо больше, чем просто стихов, обычно поэтические строчки приходят ко мне вместе с ме-

лодий и ритмом, поэтому очень часто из них получались композиции, циклы, темы с вариациями и сюиты. Эта форма немного необычная, но отражает каждую тему более полно. Такие циклы дали мне возможность воплотить не только свою личную точку зрения, но и представить, что сказали бы об этом другие люди, поэтому в сборнике Вы увидите много стилизаций, цитат и игры с определенными паттернами.

Спасибо Музам и Гениям мест, где создавались мои стихи, за их неоценимую помощь, может быть, их заботами Вы также встретите что-то свое в этой подборке. Песни лучше, конечно, воспринимаются с музыкой, но пусть у каждого читателя будет своя внутренняя мелодия, которая откликнется и пропоется. Здесь не более четверти того, что написано за эти годы, если говорить только о поэзии, а еще есть проза, — и все это дает надежду на новые встречи...

Полотно

*Да, друг мой – вот канва,
По ней узоры набросайте прихотливо...
(Э.Ростан)*

Жить с «душой на засов»
Мы не можем, но ложем Прокруста
Пяльцы слова нас держат...
Меж них – нашей вышивки нить:
Это пять голосов,
Это все интонации чувства,
Это слово, готовое вылететь – воспламенить -
Воспарить – воскресить – и воскреснуть...
...Из множества мнений
Чтим лишь бёрдо любви, – так, как чтима вассалами –
знать,
Ведь нам, сотканным, лестно,
Что там, на Его гобелене,
В этих абрисах, чуточку стертых, нас можно узнать...

О том как ковчег уплыл, а мы все остались

...И вышли на берег, стараясь ни с кем не встречаться,
И еле вместились все чада их и домочадцы,
И, с борта на борт начиная неловко качаться,
Отчалил корабль, но никто не стоял у руля,
И те из соседей, что поздней порой не дремали,
Следили за ними в сиянии лунной эмали,
Но мало в ту пору мы все в кораблях понимали,
И нас еще ждали, и нас еще ждали поля...

Наши стропила смерть отмечали,
Нас затопило в самом начале,
Мы замолчали, мы замолчали
В самом начале...

Беззвучные трубы пропели в ночи позывные,
И море под утро вступило в границы земные,
И люди прервали работы свои посевные,
Покуда ссылаясь на Нил, на дожди, на прилив,
Отчанье нас на вершины холмов выводило,
Но все же вода доходила, вода доходила,
И в мутном потоке мелькала спина крокодила,

Будь к нам справедлив, кто не видел, будь к нам справедлив...

Наши стропила смерть означали,
Нас затопило в самом начале,
Мы замолчали, мы замолчали
В самом начале...

О том, как случилось всесветное это цунами,
Пусть кто-то поверхность листа испещрит письменами,
Корабль, отошедший в ночи, не вернулся за нами,
Но, корм уделяя безумным от качки котам,
Усердно давали приплод корабельные мыши,
А мертвые воды вставали под килем все выше,
И в них растворялись знакомые долы и крыши,
Но нас уже не было, нас уже не было там...

Наши стропила смерть обличали,
Нас затопило в самом начале,
Мы замолчали, мы замолчали
В самом начале...

Из цикла Вавилонская башня

Молитва строителей

Нас держал в когтистой лапе наш великий Хаммурапи,
И тамкаров крик на трапе гнал все дальше корабли,
И, возделывая пашни, мы задумались о башне,
Мы задумались о башне, уводящей от земли,

Мы с упорством впряженного зебу
Строим башню, ведущую к небу,
Где огромные белые пальмы
Поднялись на песке голубом,
Солнце львом над незримой дорогой
Рвется вслед за луною двурогой,
И в какую б ни двинулись даль мы,
Плещут воды в колодце любом...

Все неслись с мечтой на лицах в необгонных колесницах,
Сны сгорали на ресницах, в свой черед – всем свой полон!..

От величья холодея, у руин сошлись халдеи,
У халдеев есть идеи, как прославить Вавилон,

Нам нужна больше сна, больше хлеба,
Эта башня, ведущая в небо,
Там, где солнечный лев поспешает
За луною двурогою вслед,
Где обиды забыв и удары,
Мы оденем златые тиары,
Где никто никому не мешает,
Где врагов и соперников нет!..

Строя храмы, пирамиды, и сады Семирамиды,
Все же люди – не термиты, и надежда есть в пути,
Чтоб росла, нас возвышая, башня самая большая,
Чтоб, работу завершая, в небо чистое уйти,

Мы с упорством впряженного зебу
Строим башню, ведущую к небу,
Где на верхних ступенях непрочных
В дымке тают земные следы,
Где прыжками в полнеба длиною,
Солнце мчит за двурогой луною,
Где в темнеющих листьях полночных
Зреют звезд серебристых плоды...

Монолог архитектора

В дни, когда кормят зодчих цари,
Замыслы горбят нас изнутри...
И сквозь папирус черновиков
Медленно вырос контур веков:

До неба вплоть обрел он плоть и воспарил,
Сплав миражей без этажей и без перил...
Я все отдам, но будет там высокий свод
И к облакам, и к облакам упругий взлет!..

Я почитаю деспота бич,
Я посчитаю каждый кирпич,
И при подсчете все в аккурат,
Чтобы в отчете был зиккурат,

Но будет тут все так, чтоб труд наш воспарил,
Вел вверх мужей, без этажей и без перил,
Растет наш круг: в пролетах дуг союз таков:
Рабочих рук и облаков, и облаков...

Пламени парус, глины замес,
Ярус на ярус яростно лез,
Меря нам плату, часто не лгал

Сквозь анфиладу видный Нергал,

Но пусть и впредь сбивает смерть тех кто парил

С их рубежей без этажей и без перил,

А мы глядим, что невредим наш труд, пока

Мы все летим за облака, за облака...

Начало

заключительная песня цикла "Завоевание Дикого Запада"

И Эдем опустел, и Творец загрустил:
Он в земные леса двух людей отпустил,
И согрел их рассвет,
и, почуяв их след,
Кровожадная тварь закричала.
Но Господь приказал этой твари молчать
И сказал: «Как я рад, что решился начать.
Ничего нет прекрасней начала!»

Март, лети и тревогу к седлу приторочь:
Плохо римляне спали в последнюю ночь,
И диктатор решил
этот бред превозмочь.
Гордость в нем, как волчица, рычала.
Цезарь встал и, исполненный новых идей,
Произнес: «Хорошо начинается день.
Ничего нет прекрасней начала!»

И походка бодра,
и улыбка хитра,
Как грядущие пряности, пахли ветра.

Хоть, как будущий груз,
Был тяжел ее курс,
Каравелла пошла от причала.
И Колумб, позабыв
планы, зревшие в нем,
Вдруг подумал: «Неважно, куда приплывем,
Ничего нет прекрасней начала!»

Пушек дымный сигнал, и атаки мотив,
Белый конь, что всегда
был не в меру ретив,
И притихла Европа, его проводив,
И Святая Елена встречала.
Срез пера утомленно к бумаге приник,
Он решил: «Хорошо, что я начал дневник,
Ничего нет прекрасней начала!»

Все прозрачнее шаг
поредельх колонн,
На эпохи большак
Вышел наш батальон.
Твои дети, Адам,
Разошлись по рядам,
И история списки сличала.
Дрогнул занавес, скрипки вступили на треть,
Только, Авраам, можно и недосмотреть,

Ничего нет прекрасней начала!

Вот возвел ты свой дом, вот взрастил ты свой сад,
Дрогнул контур теней в узких нишах засад,
Для чужих, для своих
Оклик был бы так тих,
Если б эхо нам не отвечало.
И, готовый к финалу узлы расплести,
Может быть, ты в начале иного пути?
Ничего нет прекрасней начала!

Рожденные в Ленинграде

Родному городу

Город строгий и манерный,
город – жертва и герой,
создан быть столицей первой,
обреченный стать второй,

где на троне царском «немцы»
воду сделали вином,
город, чье стучится сердце
как блокадный метроном,

счастья баловней безродных
мрачной властью осиян,
город, где стихий природных
всяк и узник, и тиран...

Меж гордыней и смиреньем
ходит маятник Фуко:
исцелить Петра творенье
от бессонниц нелегко...

Сколько ран горит и сАднит?

Сколько дней в твоей войне?
Где летит твой медный всадник
на недвижимом скакуне?..

Воздух шпилями распорот,
и, мятежный, деловой -
как там мой любимый город
над не-вольною Невой?!..

Я говорю о том...

Я каждый день говорю о том
Во что я верю, о чем жалею,
Чему я радуюсь, и о том что
Мне всего дороже в этой жизни...

Я говорю это разными словами,
Но если бы сейчас сию минуту
Меня взял за шиворот ангел смерти,
Разве я могла бы солгать?..

Если бы сейчас сию минуту
Меня взял за шиворот ангел смерти
И он спросил бы: во что же ты веришь,
О чем ты жалеешь, чему ты рада
и что тебе дорого в этой жизни?

Я сказала бы ему, что я верю в Бога,
И жалею,
Что участь Гарсиа Лорки меня миновала,
Но я рада,
Что моя страна
Еще не перешагнула ту черту,
За которой поэт может быть только Гарсиа Лоркой.

И я призналась бы ангелу смерти, что в этом мире
Мне ничего нет дороже твоей улыбки...

Но разве сейчас моя страна
Не заблудилась уже, сомневаясь,
Какие границы нельзя перешагнуть?
И разве сейчас, сию минуту,
Нас всех не держит за шиворот ангел смерти?

И мне все труднее
Не заговорить словами Гарсиа Лорки.

А ты улыбаешься мне

24 мая

*Свобода -это когда забываешь
отчество у тирана
(И.Бродский)*

День рождения Бродского. Стало быть, к лету
нас влечет... Ариадна смотала все нити.
Предложили людей отпустить людоеду,
он ответил: «Сырые. Невкусно... Сварите...»

Вот и варимся в этом котле. Кто задира,
кто герой, кто хитрец, – то возносит нас пенно,
то поникнем под лавром... Действительно сыро.
И отдельные отчества столь незабвенны...

На Письма римскому другу И.Бродского

Дождь протягивает руки сквозь перила -
анфиладу, мол, зеркал тебе готовлю...
Этот ливень переждать с тобою, милый,
я могу – но в чем увидел ты торговлю?!

Я с Фортуной, чей фавор к тебе не меньше
моего, и впрямь судилась бы – рядилась,
не впервой!.. На свете очень много женщин,
с кем из-за тебя мне спорить доводилось...

Цезарь все еще плетет интриги – впрочем
старый волк не может сам уйти, честь честью...
Хоть разок пройди со мной садами ночью,
расскажи, как называются созвездья!..

Суждено ль нам увидаться за могилой,
где в Элизиуме снов нектар мы вспеним?!
Слишком страшно жить в Империи, мой милый,
так с тобой поговорить и не успеем.

Здесь за деньги отдаются все элиты -

что же нам с тобой до них, скажи на милость?..
Ты идешь сквозь дождь, и зеркала разбиты,
амальгама по дорожкам раскатилась...

Приговор

Жертва – сапоги всмятку

(Н.Г. Чернышевский)

Приговор порядку.

Смерть артиста – арест в зале.

Сапоги всмятку,

Так как душу уже стоптали.

Смыслы слов – в изводе...

Но, казня, лютуя,

Бодрым маршем по нам ходят

Сапоги вкрутую...

Новогодняя распродажа 6 декабря 2011

*Перейду через улицу – окажусь на войне...
(Муса Джалиль)*

Так выйдешь из дому, как доктор Живаго,
в аптеку пойдешь – и уже на войне,
чтоб где-то к началу трехсотого шага
уже по другой пробираться стране...

Морозней дыханья арктической выюги
дыханья истории хриплый Чейн-Стокс,
уже казаки подтянули подпруги,
уже загрузили лопаты в обоз...

Двенадцатый год... Время красной кометы...
Все ближе Антихриста страшная рать...
А я все считаю в кармане монеты,
подарки под елку спеша покупать...

Сретенье

*Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко,
по слову Твоему, с миром,
ибо видели очи мои спасение Твое...*

Бывает, ждешь, уже не чаявши,
Придет ли?!..

А придет – дух вон...

Дождавшись – «Ныне отпускаеши...»

Сказал сегодня Симеон...

Не знает лист, раскрывший устьяца,

Что знает ветка наизусть...

И мне когда-нибудь отпустится,

И я когда-нибудь дождусь...

Цикл Страстная Седмица

Вход Господень в Иерусалим

Кому тревожно, что судьбой гоним,
Кому – что он храним судьбою, мнится...
Так мы и входим в Иерусалим,
Где суждено нам всем преобразиться.

Нам в праздничном неведение непрост
Вопрос о том, что не доступно глазу...
Пир или суд, и сад или погост,
И страх, и чудо – все приходит сразу!

Все судьбы мира скрутятся в клубок
Вкруг скромной жажды преломленья хлеба...
Рыбак, школяр, купец – и с нами Бог -
Мы входим в город, и уходим в небо...

Великий Понедельник.

Притча о Смоковнице.

Душа не древо. И, чудес полна,
Переживает враз весну и осень,
Мешает словно краски времена:
Спит и растет, цветет и плодоносит...
Не медли! Об отсрочке не проси,
Сперва мол завяжь, а созреет следом.
Для этих смокв не сплетено корзин,
И урожая срок душе неведом...
Ведь не сажали мы свои сады:
Их Сеятель вручил нам, бестолковым...
Когда придет Он собрать плоды,
Молись чтобы душа была готова...

Великий Вторник. Притча о женихе полунощном.

В этом мире все гости мы,
а хозяева – где?!

Научи меня, Господи,
тихо ждать в темноте:

воском сердце истаяло
и затеплилось – ввысь,
искрой, в звездное марево...

Чу! Грядет...
Дождались...

Великая Среда. Сосуд с миром

Кто пожалел бы нынче алавастра
разбить, кто б миро щедро не излил?!
Но Он был прав: вот, столь обширна паства,
вот, нищим и властям Он рАвно мил, -

но не сидит Он зримо с нами рядом,
своей готовя жертвы торжество,
и будь у нас здесь злато, смирна, ладан -
уже нам не порадовать Его...

Всему есть сроки, ведь не важно, кто ты -
покуда длится жизни нашей нить,
лишь ЭТО время есть для той заботы,
какой мы близких можем окружить...

Чистый Четверг. Тайная вечеря

Вот каждый и сидит, с судьбою возле.

Сыт и умыт. Уразумеешь после...

Кровь без вины, и кровь – вином в тот вечер...

Он в царствии ином назначил встречу.

Последний труд – чрез муки, споры, козни.

Свет глаз. След рук. Уразумеешь после...

Страстная Пятница. Молитва в Гефсиманском саду

То был седер. Опресноки.
Зелень. Горечь...
И вина четыре чаши, в честь исхода.
Выход в сад – как к морю.
Шелест. Звезды. Полночь.
Полнолуние. Хорошая погода.

Не просить же чтобы небо расступилось!
И могло б, но ведь Пришествие не бегство.
А – вся эта красота, что и не снилась,
Красота земли, отцовское наследство!..

Засыпая, город меркнет – дальше, дальше,
Зал затих – так мы в завязке иль в финале?!
Покидая, как же любишь понимавших
Вместе с теми, кто совсем не понимали...

Красоту в душе людской – отыщешь? Сможешь?..
Сотворишь?..
Ведь эта чаша не минУет:
Вот – шаги. Они идут. Все ближе.
Боже!

Знаешь, кто сейчас приветно поцелует?!

Высота

Взойти на Голгофу – куда Эвересту!
Нет выше на свете вершин!
И каждый здесь занял особое место,
А дальше – замри, не дыши...

Покуда один избегает погони,
Другой от приказов охрип,
И в небе прочерчены как на иконе:
Кто Спас – кто спасен – кто погиб,

Толпа озабочена необходимым,
В тоске осознания Пилат,
Покуда Иосиф несут с Никодимом
Алое, и смирну, и плат,

Все – поздно. Все – столь велико, что неуместно:
И боль, и надежда души...
Взгляни на Голгофу! Куда – Эвересту,
Нет выше на свете вершин...

Великая Суббота. Сошествие во ад

Сошел, как огонь благодатный, во тьму,
Явившийся в подлинной силе,
И тысячи глаз обращенных к Нему
«Возьмешь ли с собой?!» – спросили.

И верных Он взглядом очистил от зла
И вывел в свое Воскресенье,
Разбив те врата, коих надпись рекла,
Что мы не увидим спасенья...

Вот так и нисходит на нас, как любовь,
Его обещания чудо,
И, глядя из бездны отчаянья, вновь
Мы спросим: «Возьмешь ли отсюда?»

Воскресение. Воистину!

Мы уступили властной злобе,
Не отстояв Его пред ней,
Но не нашли Его во гробе...
Так мы узнали: Бог сильнее,

Так Он ушел – спасенья вестник, -
Чтоб смог поверить в этот знак
И деспот, и его наместник,
Купец, и мЫтарь, и рыбак, -

И вместе мы пришли сегодня
За утешеньем в Божий Храм,
И милосердие Господне
«Воистину» сказало нам!

Катулл. Из неопубликованного

О Цезарь, ты меня переживешь,
и омрачит ли дней твоих сиянье
то, что пишу? Клевреты скажут – ложь!
И ты не снизойдешь до оправдания.

Но эта лира пред тобой чиста,
и дух мой болен ядом той заразы,
что лживы всякий день твои уста,
твои поступки и твои приказы...

Красивыми словами не зови
то, что вершишь темно и осторожно, -
тот, кто бывал обманутым в любви,
узнал, что вновь поверить невозможно.

В пылу объятий, жарких и нагих,
страсть задохнется, гордости переча -
от женщины, лобзающей других,
смешно мне слушать клятвенные речи.

И ты, диктатор, разве не смешон,
среди триумфов, что бесстыдней оргий,
когда народу дикому внушен

тобой и страх, и трепет, и восторги?!

С меня публичных девок и мужей
довольно. Смерть! Лишь ты побед не прочишь,
не вытолкаешь спорщика взашей
и отменить свиданья не захочешь...

Последняя молитва Франсуа Вийона

*Как верит каждое ухо тихим речам Твоим,
как веруем и мы сами, не ведая что творим...
(Б.Ш.Окуджава)*

Не пробраться по следу Лота -
под ногами земля горит...
Разве, Господи, есть хоть кто-то,
кто не ведает, что творит?!

Мы дрожим, как судьба стасует,
мы браним потихоньку власть,
все равно, кто как голосует -
ни купить свобод, ни украсть...

У кого к новостям зевота,
кто в свой чин словно в бронзу влит, -
только разве здесь есть хоть кто-то,
кто не ведает, что творит?!

Как конвой, нас разводит действо,
словно вечный нЕчет и чёт:

кто в геройство, а кто – в злодейство,
знает каждый, куда идет...

«Дом – учеба – семья – работа -
вот бы так, до могильных плит!..»

Неужели остался кто-то,
кто не ведает, что творит?!

Может, деспот, решая судьбы,
верит в святость своих идей?!

Может, верят иные судьи,
что спасут хоть своих детей?!

Разве дуб вековой раскрошишь?

Что сказал бы нам Питирим¹?..

Боже, как Ты простить нас сможешь?

Мы же ведаем, что творим...

---

¹ Питирим – персонаж легенды «О двух великих грешниках» из поэмы Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»

Из писем Чаадаева

Как верит сумасшедший, что лишь он
нормален, а вокруг одни безумцы,
как верит тот, кто видит страшный сон,
что это явь, не пробуя проснуться,

как верит умирающий, что смерть
уж отступила – даже пульс отличный!, -
как мы, любя, надеемся суметь
привлечь того, кому мы безразличны,

как, может быть, мечтает агрегат,
разрушенный, изношенный и ржавый,
что вот – придут, поправят, обновят, -
так верю я, что станешь ты державой,

убогая, злосчастная страна!

Что все мы будем – не шуты, не челядь,
что наша мысль и наша жизнь – нужна...
Ведь, если любишь, можно ли не верить?!

Декабристы

Гроза летит от Таганрога,
Тревога сжала нас в горсти,
И вся Россия – как дорога:
Кому, куда по ней идти?..

Нева сквозь хладные оковы
Всё рвется к вздыбленным мостам...
Мы не готовы – не готовы —
Но день назначенный настал...

Какой тоскливый ветер, братцы,
Сквозит над площадью с утра
Как змей, что не сумел убраться
От императора Петра...

Досель держава не вступала
В круг тех магических идей,
Где со времен Петра и Павла —
Мечты о равенстве людей...

Свобода есть явление духа,
Но есть и вольность наших дел, —
И к нам, легко коснувшись слуха,

Звук беспокойный долетел...

Не зря, не зря звенят подковы,
Судьба несется к нам, сюда...
Мы не готовы, не готовы —
Но круг очерчен, господа!..

И снег, трагедии причастный,
Нас оттенил резцом Доре,
И Милорадович злосчастный
Въезжает в скорбное каре.

Ужель и впрямь душа хотела
Сразить своей же славы взлет?!..
Но ради дела! – *ради дела*...
Теперь все так вот и пойдет,

Что зло приносят не злодеи:
Гражданский долг свершает Брут,
И нами взятые идеи
Потом за горло нас берут.

Империя еще не пала.
Но верно ль, что с ее начал
Взметенный шпиль Петра и Павла
Скорбящий ангел увенчал?!

Ни соболям, ни чернобуркам
Уж нас не кутать на ветру,
А небеса над Петербургом
Седыми стали поутру,

И тихий снег в лучах растает,
Как тает гнев в лучах любви,
Там где однажды заблится
Крест Храма спаса на Крови,

Вот с этого немого круга,
Когда не надо громких фраз,
Запомним, господа, друг друга —
Ведь все мы здесь в последний раз...

Как Вий, морозные ресницы
На окна опустил Сенат,
И нам пристало повиниться
За все, в чем каждый виноват...

А каждый виноват невольно,
Что дум мятежных знал прилив,
Что сердцу нестерпимо больно
За то, как мир несправедлив,

Перед иными временами
Мы храбро выстроимся в ряд,
И наши ангелы за нами,
За нами следом полетят

Туда, где 33 недели
Зима царит в календаре,
Чтоб вместе быть, как мы хотели,
Тот день назначив в декабре,

Чтоб, поднимая веки вия,
Круг страшных чар испив до дна,
Понять, что сердца тирания
Над нами властвует одна,

И что душе еще так много
Дано свободы и любви,
И вся Россия – как дорога...
Господь ее благослови!..

Цикл песен Шахматы

Справка: по одной из легенд, шахматы (шатранж или чатуранга) были изобретены в Индии, и тогда шахматная доска отличалась по форме от нынешней, на ней стояло 4 армии по 8 фигурок, и они были окрашены в цвета алый, черный, желтый и зеленый. Их сражение подчинялось настолько сложным правилам, что опытные игроки придумали специальный прием – табия, то есть условное начало, и расставляли фигурки так, как будто они совершили уже ряд ходов до этого. Легендарному визирю Бузурджимиру приписывали изобретение шахматной игры в том упрощенном виде, как она дошла до нас, где всего две армии – черная и белая. Название фигурок больше соответствовало тогда персидской специфике: ферзь, который у нас часто в просторечье называется королевой, – на самом деле был полководцем, альферзаном, вместо ладьи было изображение птицы рух, и так далее. Многие древние истоки шахмат заметны в их специфике и сейчас, но мы не всегда их понимаем...

Табия

Красный цвет был цвет атаки,
поражая стройным видом,
он алел, как в поле маки
иль червленые щиты,
желтый цвет был цвет надежды,
столь подверженный обидам,
сколь нарядные одежды
склонны к призракам тщеты,

был зеленый цветом мудрых,
цветом стойкости и мощи, -
цветом кленов темнокудрых
и усатого плюща,
черный – это цвет финала,
для него все было проще:
лишь печальный блеск опала,
лишь прощальный взмах плаща...

Шорох бурнусов, кружение бурок -
восемь фигурок да восемь фигурок,
как бы там что это ни означало,
это начало?! – нет, табия...

Перед тем здесь что-то было,
было что-то перед этим,
кто в игре не тратит пыла,
тот ведет свою игру:
ясный ум Бузурджимира
дайте нам, и мы ответим,
что достойно славы мира,
что не должно знать в миру,

Алый, далям обреченный,
а зеленый – мирным долам,
тихо двигается черный
в золотой рассветный час,
сникли крыши, пали стенки,
сведены квадратным полом,
вновь неверные оттенки
получаются у нас...

Изображают индусов и турок
восемь фигурок и восемь фигурок,
как бы кого это ни огорчало,
это начало?! – нет, табия...

Столько флангов было раньше,
вверх вилось четыре флага,
но случилось, что в шатранже

кто-то что-то изменил,
и — ошибка или шалость, -
и — просчет или отвага, -
но цвета перемешались
в блеске сажи и белил...

Черный вздыбился победой,
бился красный пульс безумья,
желтой выманен монетой,
зеленел в ночи азарт,
а вокруг чернели ружья,
а вокруг белели зубья,
и с гримасой равнодушья
пешки строились на старт...

Как бы твой ум ни был смел или юрок,
восемь фигурок да восемь фигурок,
как бы на что это ни отвечало,
это начало?! — нет, табия...

Баллада о проходной пешке

Вперед пробивался сквозь вражеский строй
наш витязь, наш ферзь, наш отважный герой,
слоны проходили своею громадой
и вздыбился конь перед вражьей армадой,

и я из фаланги отважно шагнул-
на ферзевом фланге я встал в караул,
но место пустеет, которое слева -
так где ж королева? Ах, где королева моя!

Но вот оказался пред грозной турой
наш витязь, наш ферзь, наш отважный герой.
Мала для маневра пространства осьмушка -
я видел, как с башни ударила пушка,

я видел сквозь дым, как, султан опаял,
наш ферзь обернулся, ища короля,
и в прорезь доспеха без страха и гнева
глядит королева – так вот королева моя!

Ужель не найдется столь страшной порой
на ферзевом фланге отважный герой -
а ну, белый слон, марш по диагонали,

вперед, мои кони, чтоб нас не догнали,

и я дохожу до последней черты,

и вижу вдали дорогие черты -

я ваш, я строка из того же напева!

Но где королева? Ах, где королева моя!

Шагаю за бортик, сливаясь с судьбой,

там кортик вручается мне голубой,

но кто начал кон за моею спиною,

встав за Рубикон, уже занятый мною,

чей реет султан среди черных фигур

над полем, где замертво падает тур?

Победа рванулась из смертного зева,

но где королева? Ах, где королева моя?

По диагонали

Два часа уже идет война,
но не важны сроки обреченным,
на доске осталось два слона
— я на белом поле он на черном

и шагаем по тропе войны,
недоступней, чем сады Непала -
хорошо, что мы с тобой слоны,
а слоны не ходят как попало...

Но столь же прям размах углов, двуцветен столь же,
среди кивающих голов моя всех больше,
вас грызла ненависть к врагу и гибели вы же -
среди спин, согнувшихся в дугу моя всех выше...

Вновь из всех возможных заварух
мною собственный маневр взлелеян -
хорошо, что слон не то, что рух:
слон в поступках не прямолинеен,

но бойцы, шагая вразнобой,
смело топчут расписные пятна -
если слон и протрубит отбой,

здесь никто не поспешит обратно...

И столь же много трачу слов и тщетно столь же,
среди кивающих голов моя всех больше,
на каждом сделанном шагу пугаясь мыши,
среди спин, согнувшихся в дугу моя всех выше...

Может, замыслы мои глупы,
но ведь может это быть, послушай,
что их деревянной скорлупы
я воздвигнусь всей своею тушей,

осень в джунглях – не сезон охот,
черный воин, брось копье, не мешкай,
потому что, позабыв свой ход,
ты теперь уже не будешь пешкой...

Но столь же облик мой суров и жалок столь же,
среди кивающих голов моя всех больше,
вам страшно было на бегу – но пали вы же,
среди спин, согнувшихся в дугу моя всех выше...

Вновь и вновь мечтая об ином,
черномастного минуя братца,
вижу я – не стоит быть слоном
и не стоит даже называться...

Пять часов уже идет война,
свой последний час мы встретим вместе -
на доске пока что два слона,
и, конечно, короли на месте...

Короли

Нет, не слабы короли, не жестоки,
просто их изобрели на Востоке,
где, усиливая властные чары,
вкруг правителя стоят янычары.

Кто живет огнем атак, а не саном,
может стать ну разве так – альфирзаном,
гром побед иль поражения машина -
не шагнет король за сень балдахина...

Не смутят его насмешки,
что он может меньше пешки,
по доске подошвой войлочной пыля,
и влекут, терпя удары,
две квадриги и три пары
триумфальную повозку короля...

Рад бы он и сам жить славой иною,
но решают там, у нас за спиною,
длань взлетает над ареной дощатой,
и довольствуясь смиренно пощадой...

Слишком скоры игроки на расправу,

ведь сражаются полки не за славу,
за границы бич иль строчку Плутарха -
исключительно за личность монарха...

И идет он, маскируясь,
отступая, рокируясь,
по доске подошвой войлочной пыля,
четырьмя или двоими
можно жертвовать во имя
убедительной победы короля...

Будь та власть дана от грека иль галла,
чувство долга бы она возлагала,
должен был король хоть что-нибудь вытрясть -
хоть бы доблесть, хоть какую-то хитрость,

на Востоке же и мысль не порхала
при движенье вверх и вниз опахала,
это поняли и персы, и турки:
власть есть власть, а остальное – фигурки...

Эндшпиль

Сделан шаг
в далекие поля,
поднят стяг
во славу короля:

разворот мечей в щитах,
подведен баланс в счетах,
ты убит и я убит,
начинается гамбит,

когда мы снимем черные латы,
черные латы и белые латы,
мы уже не будем виноваты,
что продолжается турнир,
мы проходим черные квадраты -
черные квадраты и белые квадраты,
чтобы там, за линией утраты,
увидать неразделенный мир:

в мире этом, в мире этом
разный быт зимой и летом,
мир огромный и укромный
светел и неизлечим,

там, оставшись без доспеха
пораженья иль успеха,
в корчах плача – в дрожи смеха -
мы друг друга различим...

Близко так,
что выстоять нельзя,
в створ атак
рванулись два ферзя,

и слегка удивлены,
смотрят черные слоны,
съест ли, словно каннибал,
Ганнибала – Ганнибал...

Когда мы снимем черные латы,
черные латы и белые латы,
мы уже не будем виноваты,
что продолжается турнир,
мы проходим черные квадраты -
черные квадраты и белые квадраты,
чтобы там, за линией утраты,
увидать неразделенный мир,

а покуда в мире нашем
мы опять мечами машем,

для колонн со стройным маршем
став убытком небольшим,
в брызгах льда, в пылу жаровен -
в мир, который столь неровен, -
в звонах дрожек, в скрипах дровен,
в свисте крылышек спешим...

Все безлюдней
роковой балет,
нежной лютней
звякнул арбалет,

рухнул витязь в забытии
на враждебный борт ладьи,
и уныло короли
друг за другом побрели...

Когда мы снимем черные латы,
черные латы и белые латы,
мы уже не будем виноваты,
что продолжается турнир,
мы проходим черные квадраты -
черные квадраты и белые квадраты,
чтобы там, за линией утраты,
увидать неразделенный мир:

за доскою, за доскою
мы расстанемся с тоскою,
как положено изгою,
поднеся к губам фиал,
есть еще одна минута -
цифра девять, ритенуто,
с этой цифры почему-то
начинается финал...

Да, мы снимем черные латы,
черные латы и белые латы,
да, мы снимем черные латы,
черные латы и белые латы...

Песенка

Мой друг, ты снова
осуждаешь жизнь мою,
в судье суровом
я тебя не узнаю,
побойся Бога —
ведь тебе и невдомек
как одиноко
жить тому, кто одинок...

Какие годы?!..
Да такие, что пора
взамен свободы
плед, очаг, et cetera...
Да, быт – морока,
но тебе и невдомек
как одиноко
жить тому, кто одинок...

Поверь, без фальши,
я давно уж не горда
тем, что – чем дальше,
тем ясней, что никогда...
Тоска стоока,

а тебе и невдомек,
как одиноко
жить тому, кто одинок...

Из цикла Подстрочник.

перевод текстов песен рок-группы Wood-grouses²

---

² Название рок-группы является вымышленным, все совпадения случайны

Твои глаза

Я вижу дом на окраине
Это старинный особняк
И его окна темны
Я смотрю в эти окна
И вижу за ними прошлое:
Я вижу тяжелые люстры
Полные трепещущих огоньков свечей
Я слышу взволнованный шепот
И стук каблучков
И так тоскливо и страшно от того
Что сейчас эти окна темны

Вот так же я смотрю в твои глаза

Я стою у старинного дома
Он совсем заброшен
И окна его темны
Я смотрю в эти окна
И кажется прямо сейчас
Там происходит что-то страшное:
Я вижу там что-то случилось
И темнота колыхается как занавес
Там таится чья-то боль

И так тоскливо и страшно
Оттого что эти окна темны

Вот так же я смотрю в твои глаза

Я стою у старинного дома
И мне начинает казаться
Что когда-то мы жили здесь
И были счастливы
Я хочу постучать в эти двери
И на какую-то минуту
Я верю что ты мне откроешь
И позовешь меня туда
И жизнь озарится твоей улыбкой
Но мне очень страшно постучать
Ведь эти окна совсем темны

Вот так я смотрю в твои глаза

Моя эпитафия

Когда ты меня похоронишь
Быть может
Вся та пустота, что останется после
Потока моих ежедневных молитв
И ласковых слов
И нежности
И
Всего, что я делаю, чтобы утешить тебя
И развлечь -
Быть может
Все это сумеешь
Ты уравновесить
Простым осознанием такой очевидной
И ясной идеи:
Вот эта душа,
Что столь долго в твоих трепетала руках,
Теперь она точно твоя -

Тогда наконец ты согласишься
Что вечной бывает любовь?

Когда ты меня похоронишь
Быть может

Ты даже сумеешь забыть
О чем мы с тобой говорили
И что обещали друг другу
И
Эта душа
Парить будет здесь лишь затем,
Чтоб только увидеть тебя
И снова спешить на молитву
О счастье твоём...
Но разве
Тогда отличается
Смертный удел
От земного?
О да, отличается, если

Тогда наконец ты согласишься,
Что вечной
Бывает
Любовь...

Цитата из Овидия

*Любовь не лечится травой,
Ни тьмой ночей, ни светом дня,
Водой – ни мертвой, ни живою –
Не остудить ее огня...*

Любовь не лечится покоем,
Не унимается трудом,
Любовь не может стать изгоем
Там, где нашла приют и дом:

Так к сердцу приросла, что больно
Порой дотронуться – но вновь
Безумно, властно, нежно, вольно
Ведет, ведет меня любовь...

Март

Весна...

Свой затеял призыв птичий хор многогласно,
Зеленые стрелы – средь прели, сгоревшей дотла,
Людские надежды несмелы, природа же властно
Диктует законы рожденья, полета, тепла...

Нескоро созреет для нас долгожданное жито,
Не каждая песня в душе угнездится жильем...
И все же – такие уже холода пережиты!..
Так, будем надеяться, прочее – переживем...

Птичка

Когда все мои планы калеки,
надежды – руины,
И успех недоступнее Мекки
или Медины,
Пали замка воздушного свода,
Нет выбраться средства -
Вот оно, долгожданное чувство свободы
Моей.
Наконец-то...

Ум и воля пусть уразумеют,
Достигнув предела,
Что ни смысла, ни цели любовь не имеет.
И жизнь – не имела.
И не нужно ни цели, ни смысла!
Любить.
Любоваться.

Птичка Божья не знает про числа,
Поет – без оваций,
Ей не нужно ни хлеба, ни зрелищ.
Летать – не гнездиться!..

Не стреляй же, царевич.

Могу я тебе пригодиться.

Задачи

Май первый град обрушит,
Сентябрь взметет снопы –
Садовник честно служит
У Бога и судьбы,
И клен согласен с этим,
И травка-зверобой,
Что мы за все ответим
Пред Богом и судьбой...

Но никуда не деться,
Что колется жнивье,
Что у землевладельца
Есть виденье свое,
Есть выплаты и сдачи,
И, разочтясь с толпой,
Крез выставит задачи
Пред Богом и судьбой...

Бесстрашно подорожник
Ложится на тропу...
Работает художник
На Бога и судьбу...
Избрав сюжет любимый,

Он сам себе велик,
И чей-то взгляд незримый
Читает черновик...

Но как коса для травки,
Усердием дыша, -
Редакторские правки,
Расценки тиража,
И при книгоиздании
Ведя расходам счет,
Продажные создания
Издатель предпочтет...

Кричат грачи победно,
Урчат лягушки всласть,
Ах, как влияют вредно
И собственность, и власть...
И хоть цветет шиповник,
Но, Господи прости,
Как трудится сановник
С восьми и до шести!..

А там февраль завьюжит
И заскрипят дубы, -
Пока садовник служит
У Бога и судьбы,

И вновь цветы на дачах,
И вновь земля парит...
Но о своих задачах
Нам Бог не говорит...

Ботаники

Солдаты удирают от капралов,
На пикники спешит воскресный люд,
Герои избежать хотят финалов,
Писатели из-за героев пьют,
На бал умчались девушки от нянек,
Актер утратил монолога нить -
И все ж найдется хоть один ботаник,
Призванью не способный изменить!..

Пока толпа летит куда-то скопом
И ждет стратег минуту торжества –
Ботаник вновь сидит над микроскопом,
Строенье наблюдая вещества.
Счисляя новой формулы расчеты,
Счихнув с заветной книги пыль веков...
Он не фанатик избранной работы,
А просто по натуре он таков.

Подумаешь – не то у нас столетье,
Подумаешь – не те у нас пути,
Зато вполне изучено соцветье,
И можно к корневищу перейти...
Покуда мир находится в погоне

Сам за собой – иль от себя, бог весть,
Есть эти незаметные тихони –
И смысл какой-то в этом мире есть...

Поле боя.

Где от залпов сгорели травы,
Обозначились рубежи...
Лейтенанты хотели славы,
А солдаты хотели – жить:
Грязь окопов, она не портит -
Украшает в боях мужчин!..
Капитаны хотели орден,
Подполковники – новый чин...
Бормотали в желудках страсти,
На устах – имена божеств...
Адъютанты хотели власти,
Генералы – маршальский жезл,
Горьким дымом стелились беды,
Словно вздох распростертых тел...
Император хотел победы!..

...А войны – никто не хотел...

Транстремер

Читаю.

От метафор – тремор.

От мыслей, что в них бродят, – транс.

Не знаю, господин Транстремер,
что Вам до нас?!

Пронзает милю мысль за милей,
быстрей, чем солнца мчится луч...

Чем мил Балакирев Вам, Милий?

Что не могуч³?

Что знал он к музыке остуду,
и снова к ней воскрес душой?

Что оценить умел как чудо
он дар чужой?

А Ньорд⁴ в заливе Финском глухо
цепляет берег волн клюкой...

---

³ что не могуч – имеется в виду принадлежность М.А.Балакирева к музыкальному кружку "Могучая кучка", все другие члены которого, в том числе Бородин, Мусоргский, Римский—Корсаков были гораздо более успешны и признаны, хотя и не все – при жизни

⁴ Ньорд – бог моря у викингов, считалось, что он выглядел очень старым

Как Вы – ритм нот, стиха и духа, —
одной рукой!..

Бог сна, Гипнос...

Гипнос – это мальчик, ныряющий в воду
За жемчугом...

Он выплывает с добычей,
Но солнце вспугнуло морские глубины,
И рыбины снов потянулись на запад...

Гипнос – это странник, и посох бессонниц
Стучит под окном...

Как хозяйева рады
Принять на ночлег запоздалого гостя
И слушать рассказы про дальние страны!..

Гипнос – это ловчий, и звездная стая
Без устали травит ночную добычу,

Гипнос – это воин, и, где он проходит,
При каждом ударе падут легионы...

Гипнос – это гений, парящий над нами...
Гипнос...

***** (Нет места в твоих планах...)**

Нет места в твоих планах для меня,
Нет места в твоих кланах для меня,
В кулисах ночи и в просветах дня –
Нет места среди прочих для меня.

Есть место для меня в твоей душе -
Все остальное занято уже...

Как конь, в бою ослепший, я бреду
К твоим рукам, держащим в поводу,
Я не борюсь с бессмысленной толпой –
Я так боюсь, что разминусь с тобой!..

Есть место для меня в твоей душе –
И прочее неважно мне уже...

Песня о дороге

Ночь сегодня златорога,
А деревья – светлокудры,
Ночью начата дорога,
А за ночью будет утро,
Кони мчатся частым бегом,
Их дыхание морозно -
Все кругом укрыто снегом,
Но за снегом будут весны...

Жаль, что быстро мчатся сани -
День за днем – такая малость!
И куда – не знаем сами -
Едем, едем, моя радость...

Снег все сыплет мелким бесом
На коней, привыкших к холе,
Мы все едем лесом, лесом -
А за лесом будет поле,
Мы пути не видим сами -
До того светло и слепо!
Так поедем небесами,
Где за небом будет небо...

Жаль, что быстро мчатся сани -
День за днем – такая малость!
И куда – не знаем сами -
Едем, едем, моя радость...

Едем, едем, и забудем,
Что избыть тревоги нечем...
Целый день в пути мы будем,
А за днем настанет вечер,
И тогда поймет немного
Даже маленький невежда:
За дорогою – дорога,
За надеждою – надежда...

Белые крылья

по мотивам сказки Г.К.Андерсена Дорожный товарищ

Когда в безнадежном, безрадостном деле
Твоя камениста стезя,
Ты видишь: они над тобой пролетели,
Надевшие крылья друзья...
Дорожной не тронуты пылью
Огромные белые крылья,
И наши печали у них за плечами,
Но знать нам об этом нельзя!

И слепы, и глухи чужие пороги,
И вечером страшно идти,
Но кто-то отыщет тебя на дороге
И скажет, что нам по пути,
И ты не поймешь, не узнаешь,
Кто он, твой дорожный товарищ,
Он в сумраке комнат кого-то напомним
И, крылья надев, улетит...

Осенние листья за окнами мчатся,
Проносятся дни и года,
А мокрые ветки в окно к нам стучатся,

Чтобы мы посмотрели туда,
Где в бурю летят без усилия
Огромные белые крылья...
Все выше и выше – и голос не слышен,
И в небе не видно следа...

Страничка из биографии Гайдна

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.